

Инновации, ускорение научно-технического прогресса, подъём созидательного сектора экономики – это то, без чего Россия сегодня не сможет выжить. После кризиса 2008 года понимать это стали многие, а после введения санкций Западом – практически все. В связи с этим о рецептах подъёма экономики в России говорят даже люди, от экономики далекие. “Правильные” речи и наставления руководителей страны на эту тему звучат почти каждый день. Проводятся конференции, выдвигаются многочисленные программы и предложения. А реальных сдвигов как не было, так и нет. Их и не может быть, поскольку говорение и делание – вещи разные. В речах прослеживаются попытки найти быстрое решение, принципиально не меняя ничего в схеме управления экономикой. А она сегодня – самая худая, которая к успеху привести никак не может. Причём ещё и сориентированная на западный опыт, который у нас никогда не приживётся. Время уходит, а понимание, что задачу надо решать, ориентируясь на опыт собственный, и то, что быстрого решения она не имеет, всё не приходит. Решить её, думаю, можно только одним способом – принципиально перестроить все взаимоотношения в созидательных секторах экономики. Необходимо заменить в каждом технически сложном секторе так называемых менеджеров-управленцев на профессионалов-специалистов. Понятно, что найти, подготовить таких специалистов и создать в каждом секторе экономики хотя бы подобие школ быстро не удастся. Но другого пути нет.

Для понимания, что главное, а что второстепенное, с чего необходимо начинать, рассмотрим, как развивалась экономика России в XX веке. Было два резких подъёма и два спада.

Так что же это за экономические катаклизмы и чем они были обусловлены?

1. Первый резкий экономический подъём в России наблюдался в 1909–1913 годах, кстати, назван он в специальной литературе “Экономическим

бумом". По темпам экономического роста страна в это время вышла на первое место в мире.

2. Второй экономический подъём пришёлся на сталинские времена – 1936–1953 годы.

3. Первый экономический спад мы можем видеть во времена Хрущёва – 1954–1964 годы.

4. Второй экономический спад резким не был, но был неуклонным и неотвратимым – 1977–1987 годы. Продолжался он десятилетие, как и первый спад.

Убеждён, что подъём или спад экономики, в первую очередь, связаны с тем, на какой круг действующих лиц делается ставка высшей властью страны. Если лица выбраны правильно, то будет подъём, а если – нет, то спад. Понятно, что факторов много, есть и не зависящие от власти. Предлагаю рассмотреть проблему подъёма и спада экономики только в ракурсе действующих лиц, на которых власть делает ставку.

1

Рассмотрим подъём экономики в России 1909–1913 годов. В нашей истории он тщательно замалчивается как коммунистами, так и либералами. Возможно, потому, что подрывает их идеологические построения. Вот те обстоятельства, которые стимулировали этот подъём и определяли его особенности:

а) Решающим фактором подъёма был экономический рост страны, успехи сельского хозяйства и промышленности;

б) Столыпинская аграрная реформа ускорила развитие капитализма в сельском хозяйстве, а это увеличило спрос на сельскохозяйственные машины, удобрения, кровельное железо и другие промышленные товары;

в) В стране возникло обилие капиталов. Массовые инвестиции происходили во время подъёма, а поскольку предыдущий подъём не состоялся, то целых десять лет капиталы в стране накапливались. В это время многие промышленные фирмы, основанные иностранцами, переходили в руки русских капиталистов, и доля иностранного капитала сократилась с 1/2 до 1/3 всех акционерных капиталов (здесь и далее я опираюсь на данные ряда экономистов, прежде всего, Сигизмунда Миронина и П. Грегори)*;

г) В России было достаточное количество качественных инженерно-технических работников (ИТР).

Эти главные обстоятельства и обусловили особенности подъёма. Необходимо отметить и то, что подъём экономики был естественным и логичным, подготовленным предыдущими разумными действиями власти.

Лидировала тяжёлая промышленность. Она увеличила производство за годы подъёма на 76%. По темпам роста промышленности Россия опережала другие страны, и не только в годы этого подъёма. За период с 1885 по 1913 год среднегодовые темпы роста промышленного производства в России составили 5,7%; в США – 5,2%; в Германии – 4,5%; в Англии – 2,1%. Занимая пятое место по объёму промышленного производства, Россия догоняла лидирующие страны. Россия шла впереди по концентрации производства. Она занимала одно из ведущих мест даже по техническому уровню промышленности.

В период между 1890 и 1913 годами русская промышленность учетверила свою производительность.

Этот технический уровень и прогресс обеспечивали русские ИТР, которых было в России не более 50000, около 10000 из них – инженеры. Зарботная плата инженеров колебалась тогда от 2 до 8 тысяч рублей в год. Такая высокая зарплата была вполне оправдана, поскольку инженеры были настоящими, можно даже утверждать, что лучшими в мире. Инженер мог заработать и больше, если выигрывал конкурсы. Все серьёзные инженерные работы в России тогда проводились на основании конкурсов.

Очевидно, что “экономический бум” в России проходил на фоне очень высокого социального статуса ИТР, значительно превышающего социальный статус чиновников.

* Миронин С. Экономика царской России. “Золотой Лев”, № 105–108, 2012; Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.) М., РОССПЭН, 2003.

Рассмотрим второй экономический подъём, который пришёлся на сталинские времена, — 1936–1953 годы. Уделим ему большее внимание, чем первому, поскольку он более актуален для нас. Страна в 30-х годах прошлого века находилась примерно в таком же состоянии, в каком находится сейчас. Производящий сектор экономики, как и тогда, был порушен, имелась острая нехватка инженеров. Чем же сталинский подъём был вызван, и каким образом власть его обеспечила?

Ускорению технического прогресса при Сталине способствовала система оплаты труда рабочих и инженерно-технического персонала. Она учитывала меру трудового вклада каждого и ценность этого трудового вклада для всего общества, при этом поощрялся сложный, высококвалифицированный труд. Это касалось не только учёных, инженеров, конструкторов новой техники. Рабочие, например, на своём предприятии могли получать по мере роста своей квалификации зарплату, в 4–5 раз превышающую средний уровень. Существовавшая тогда многоуровневая тарифная система позволяла сделать это.

В 1947 году зарплата профессора, доктора наук повышается с 1600 до 5000 рублей, доцента, кандидата наук — с 1200 до 3200 рублей. В научно-исследовательских институтах учёная степень кандидата наук стала добавлять к должностному окладу 1000 рублей, а доктора наук — 2500 рублей. В это же время зарплата союзного министра составляла 5000 рублей, а секретаря райкома партии — 1500 рублей.

Обратите внимание, что это делается сразу после войны, когда стране ой как тяжело. Это ж каким стратегическим мышлением надо было обладать, чтобы принять такое решение, и как же бездарна сегодня власть в России, когда целое десятилетие страна купалась в нефтяных деньгах, и палец о палец никто не ударил в плане экономической стратегии страны и экономической безопасности.

Учёные в СССР того времени имели и дополнительные доходы, иногда превышающие зарплату в несколько раз. Поэтому они являлись наиболее богатой и одновременно наиболее уважаемой частью советского общества.

В результате такой политики уже к середине 50-х годов в СССР было наибольшее количество учёных-специалистов в разных областях, а также научных школ, благодаря чему были сделаны выдающиеся открытия мирового значения. В стране, экономический потенциал которой составлял всего 30 процентов от уровня Соединённых Штатов, работала половина всех инженеров мира.

Проекты в технически важных направлениях выполнялись следующим образом. Для каждого проекта руководством организации назначался руководитель, как правило, **не занимавший административной должности**. Руководитель проекта набирал временный коллектив для выполнения проекта из сотрудников одного или нескольких подразделений организации с согласия руководителей этих подразделений. Иногда в состав этого коллектива могли включаться и сотрудники других организаций, участвующих в проекте. Одно из членов коллектива руководитель проекта назначал своим заместителем. В процессе работы над проектом руководитель мог исключить из коллектива любого члена. Каждый член коллектива независимо от занимаемой должности изначально получал 1 балл, характеризующий долю его участия в работе над проектом. Руководитель получал добавочно 5 баллов, а его заместитель — 3. В процессе работы руководитель мог добавить любому участнику проекта от одного до трёх баллов, в зависимости от вклада в проект. Это делалось открыто, с объяснением причин всему коллективу. Рационализаторские предложения, обеспечивающие сверхплановые показатели проекта, оценивались в 3 балла, а заявки на изобретения — в 5 баллов. Эти баллы авторы делили между собой по взаимному согласованию. К моменту завершения проекта каждый участник знал сумму причитающихся ему премиальных, зависящих от числа набранных баллов и общей суммы сверхплановой премии за проект в соответствии с известными всем премиальными шкалами. Сумма премии окончательно утверждалась на заседании государственной комиссии, осуществлявшей приёмку проекта, и буквально на следующий день все участники проекта получали причитающиеся им деньги.

В случае проектов с большим бюджетом, выполнявшихся в течение нескольких лет, стоимость одного балла могла составлять десятки тысяч рублей.

Поэтому все члены коллектива с большим уважением относились к людям, обеспечившим получение таких высоких премий, что создавало отличный моральный климат. Лица, набравшие большое число баллов в различных проектах, быстро продвигались по служебной лестнице, то есть МПЭ (метод повышения эффективности труда) являлся великолепным механизмом отбора кадров.

Гениальность разработчиков МПЭ заключалась в том, что они сумели регламентировать понятие сверхплановой работы для большинства видов коллективной деятельности и разработать лишённую субъективности систему материального и морального поощрения за эту работу. МПЭ позволял каждому работнику реализовать свой творческий потенциал (от каждого по способностям), получить соответствующее вознаграждение (каждому по труду) и вообще почувствовать себя личностью, уважаемым человеком. Пожалуй, главным результатом МПЭ следует считать превращение большого числа обычных людей в яркие творческие личности, способные принимать самостоятельные решения. Именно благодаря этим людям страна после отмены Хрущёвым этой системы продолжала ещё некоторое время развиваться.

Поразительны были успехи экономики, несмотря на полное отсутствие внешних кредитов и минимальные объёмы “нефтяных” денег (“газовых” денег тогда не было). Уже в 1947 году промышленный потенциал СССР был полностью восстановлен, а в 1950 году он вырос более чем в 2 раза по отношению к довоенному 1940 году. Ни одна из стран, пострадавших в войне, к этому времени не вышла даже на довоенный уровень, несмотря на мощные финансовые вливания со стороны США. Например, Япония достигла довоенного уровня лишь в 1955 году, хотя, если не считать ядерных бомбардировок, серьёзных разрушений там не было. Лимитированное распределение продуктов по карточкам было отменено в СССР в 1947 году, а в Англии, несмотря на помощь США, лишь в 1954 году.

О том, как относились советские учёные к экономике мировой и сталинской, вспоминает видный советский физик, академик В. В. Струминский: “Моему близкому другу, известному академику с мировым именем, предложили остаться во Франции, куда он поехал в конце 30-х годов в научную командировку. Сулили работу на крупной коммерческой фирме, большие деньги, разные материальные блага, “свободу”, “независимость” и так далее... Знаете, что он ответил своим вербовщикам? “Да я подохну от скуки на вашей фирме. Посвятить свою жизнь тому, чтобы её владелец купил себе ещё одну виллу... Мелко и противно. В Советском Союзе я работаю над проблемами, которые через два десятилетия будут определять судьбы всего мира. У вашего “свободного” государства, как я тут выяснил, нет денег, чтобы этим заниматься. Не хочу размениваться на эти мелочи, жизнь-то одна”.

Вот мнение крупного экономиста о советской экономической политике того времени – профессора Ханина, – тем более ценное, что лично он негативно относится к политической системе СССР, идее коммунизма вообще и личности Сталина, в частности, но как настоящий учёный, он весьма честно приводит данные и ведёт анализ:

“Произведённый анализ показывает, что источники крупнейших достижений экономики 1950-х годов состояли в следующем. Командная экономика в этот период показала свою жизнеспособность и макроэкономическую эффективность. Являясь, в сущности, крупнейшей в мире корпорацией, советская экономика умело использовала присущие любой крупной корпорации сильные стороны: возможность планировать и осуществлять долгосрочные планы, использовать колоссальные финансовые ресурсы для развития приоритетных направлений, осуществлять крупные капиталовложения в короткие сроки, тратить большие средства на научно-исследовательские работы и т. д. Достижения 1950-х опирались на созданный в 1930–1940-е годы мощный потенциал тяжёлой промышленности и транспорта... СССР умело использовал свои ограниченные ресурсы для развития отраслей, определяющих долгосрочный экономический прогресс: образования, в том числе высшего, здравоохранения, науки... Скорость и масштаб сдвигов в развитии этих отраслей были беспрецедентными и явились во второй половине XX века образцом для многих государств мира. Почти уникальной была высокая доля производственного накопления в валовом внутреннем продукте, которая позволила быстро наращивать объём производственных фондов на высоком для того времени

техническом уровне, широко пользуясь иностранным техническим опытом и оборудованием”.

Считается, что плановая и рыночная экономики несовместимы. Однако в сталинские времена они совмещались более чем успешно. Приведу лишь небольшой отрывок из интересного материала А. К. Трубицына “О сталинских предпринимателях”, который я нашёл в интернете. “И какое же наследство оставил стране товарищ Сталин в виде предпринимательского сектора экономики? Было 114000 (сто четырнадцать тысяч!) мастерских и предприятий самых разных направлений – от пищевого до металлообработки и от ювелирного дела до химической промышленности. На них работало около двух миллионов человек, которые производили почти 6% валовой продукции промышленности СССР, причём артелями и промкооперацией производилось 40% мебели, 70% металлической посуды, более трети всего трикотажа, почти все детские игрушки. В предпринимательском секторе работало около сотни конструкторских бюро, 22 экспериментальных лаборатории и даже два научно-исследовательских института. Более того, в рамках этого сектора действовала своя, негосударственная пенсионная система! Не говоря уже о том, что артели предоставляли своим членам ссуды на приобретение скота, инструмента и оборудования, строительство жилья. И артели производили не только простейшие, но так необходимые в быту вещи – в послевоенные годы в российской глубинке до 40% всех предметов, находящихся в доме (посуда, обувь, мебель и т. д.), было сделано артельщиками. Первые советские ламповые приёмники (1930), первые в СССР радиолы (1935), первые телевизоры с электронно-лучевой трубкой (1939) выпускала ленинградская артель “Прогресс-Радио”. Ленинградская артель “Столяр-строитель”, начав в 1923 году с саней, колёс, хомутов и гробов, к 1955 году меняет название на “Радист” – у неё уже крупное производство мебели и радиооборудования. Якутская артель “Металлист”, созданная в 1941 году, к середине 50-х располагала мощной заводской производственной базой. Гатчинская артель “Юпитер”, с 1924 года выпускавшая галантерейную мелочь, в 1944-м, сразу после освобождения Гатчины делала остро необходимые в разрушенном городе гвозди, замки, фонари, лопаты, к началу 50-х выпускала алюминиевую посуду, стиральные машины, сверлильные станки и прессы”.

Однако время это было исключительно жестоким и противоречивым. Объективно у сталинской экономики существовала и другая сторона медали. В эти же годы репрессии коснулись научных кадров. Репрессиям подверглись инженеры, учёные, историки, биологи, изобретатели, физики, химики и многие другие. Было арестовано 99 членов АН СССР (РАН), в том числе 33 действительных члена и 5 почётных членов, 61 член-корреспондент Академии наук. Из 99 арестованных 44 погибли в результате репрессий – 23 расстреляно, 13 умерло в заключении (в тюрьмах и лагерях), 8 – в ссылке. Остальные 55 человек были освобождены и умерли на свободе, 1 выслан из страны (А. А. Кизеветтер); некоторые из них находились под арестом лишь несколько дней (В. И. Вернадский), другие провели в заключении и “шарашках” по 10 и более лет (Н. С. Кошляков), третьи находились под домашним арестом до конца своих дней (М. С. Грушевский).

Ниже представлена судьба представителей технических наук, которыми по праву гордится современная Россия.

1. Королёв Сергей Павлович (1906/07-1966) – специалист в области ракетной техники, основоположник практической космонавтики. Член-корреспондент АН СССР с 1953 года, академик – с 1958-го. Член-корреспондент Академии артиллерийских наук по её Ракетному отделению с 1947 года. К моменту ареста – старший инженер группы № 2 в НИИ № 3 Наркомата оборонной промышленности (Реактивный НИИ, Москва), где руководил работами по реактивным летательным аппаратам. Арестован по “делу РНИИ” через несколько дней после выхода из заключения. Постановление на арест вынесено Главным экономическим управлением НКВД СССР, санкция (арестовать как члена “троцкистской организации”) дана первым заместителем Главного прокурора СССР Г. К. Рагинским. Взят под стражу 27 июня 1938 года, содержался сначала в одиночной камере Бутырской тюрьмы. “Нашей стране ваша пиротехника и фейерверки не только не нужны, но даже и опасны, – говорил ему следователь. – Занимались бы делом и строили бы самолёты. Ракеты-то, наверное, для покушения на вождя?” Подвергался пыткам. Первый за протоколированный

допрос – 28 июня, второй – 4 августа (на нём в ответ на угрозу расправиться с женой и дочерью “признал свою вину”). На суде отказался от показаний, вырванных следствием под пытками. 27 сентября 1938 года он получил по приговору ВК ВС СССР 10 лет лишения свободы как “член антисоветской контрреволюционной организации”. Тут мне поневоле хочется задать вопрос: а что было бы, если бы Королёв умер в тюрьме? Смог бы СССР первым выйти в космос?

2. Глушко Валентин Петрович (20 августа (2 сентября) 1908 года, Одесса – 10 января 1989-го, Москва). Специалист в области создания ракетных двигателей. Член-корреспондент АН СССР по Отделению технических наук (теплотехника) с 23 октября 1953 года, академик по Отделению технических наук (энергетика) с 20 июня 1958-го. Арестован в ночь на 23 марта 1938 года при разгроме Реактивного НИИ (Москва), где занимался конструированием жидкостных реактивных двигателей (ЖРД). Сидел в Бутырке. Обвинительное заключение по его делу завизировано А. З. Кобуловым примерно год спустя после ареста. Приговорён 15 августа 1939 года к 8 годам заключения. Освобождён из заключения со снятием судимости указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июля 1944 года (тем же указом, что и С. П. Королёв). Оставаясь засекреченным и не вполне свободным почти до самого конца жизни, с 1947 года руководил двигателестроительным ОКБ, с 1974-го – научно-производственным объединением “Энергия”. Стал Главным конструктором космических реактивных двигателей и ракетно-космических систем.

3. Туполев Андрей Николаевич (1888–1972) – авиаконструктор, основоположник металлического самолётостроения в СССР. Член-корреспондент АН СССР с 1933-го до 29 апреля 1938 года (исключён Общим собранием). Академик с октября 1953 года. В момент ареста – главный инженер Главного управления авиационной промышленности. Арестован 21 октября 1937 года в Москве. Сначала находился в лубянской одиночке, оттуда переведён в Бутырскую тюрьму, в камеру № 58. “Нет, меня не били, только подолгу держали на стойке, а ведь мне тяжело, я грузный. Стоишь, а следовательно бубнит своё: “Пиши, б..дь, кому ты продал чертежи?! Сколько тебе заплатили? Пиши, не стесняйся, твои дружки Архангельский, Сухой, Петляков, Мясищев давно раскололись и продали тебя. Один ты упорствуешь, колись, самому легче будет”. Знаешь, такой тупой, ограниченный маньяк, долдонит своё, а я стою, ноги болят, глаза закрываются, спать хочется, стою и думаю: “Кажется, всю жизнь только и делал, что строил для них самолёты, нет, не для них, для своей страны”.

Конечно, были просчёты, не всё удавалось, но ведь не со зла, стоишь и думаешь: “Прости им, Бог, не ведают, что творят”. Если Туполев не признаётся, жену его обещали отправить в лагерь (она тоже сидела в Бутырской тюрьме), а сына и дочь – в детские дома. Туполев “признался”. Следствие по его делу было закончено в апреле 1938 года.

4. Стечкин Борис Сергеевич (1891–1969). Теплотехник, специалист по теории авиационных двигателей. Член-корреспондент АН СССР с 1946 года, академик с 1953-го. В заключении оказался в связи с “делом Промпартии” в 1930–1931-м годах, затем до 1933-го – в шараге ОКБ НКВД. Вновь арестован в декабре 1937-го, помещён в Бутырку. Затем – в ЦКБ-29 (туполевская шарага), занимался моторами, затем стал разрабатывать свой движитель. Приговор вынесен 31 мая 1940 года. Освобождён в марте 1943-го (?) Сталиным для работы у авиаконструктора А. А. Микулина по личной просьбе последнего.

5. Некрасов Александр Иванович (1883–1957). Специалист в области механики и гидродинамики. Член-корреспондент АН СССР с 1932 года, академик с 1946-го. С 1930-го – сотрудник ЦАГИ (Центрального аэрогидродинамического института). В 1937-го – профессор МГУ. Арест Некрасова последовал за возвращением его из США, где он во время научной командировки попал в автомобильную катастрофу и стал инвалидом (участок памяти, связанный с теоретической механикой, у него сохранился). Среди обвинений: агент ФБР, продал часть Поволжья одному американскому миллиардеру. По приговору (1938?) имел 10 лет заключения. В туполевской шараге был начальником расчётной бригады. Выпущен до окончания срока, в 1941 году.

Неужели нужно было сажать сотни учёных в лагеря для того, чтобы заставить их потом работать в шарашках? Понятно, что труд в шарагах – малопродуктивен, поскольку несвободен.

Несмотря на это, гениальность системы МПЭ позволила сталинской экономике поставить мировые рекорды в темпах экономического развития.

После прочтения этого материала, думаю, понятно насколько бездарно ведётся экономическая политика в России сегодня. Ставка на менеджеров-номенклатурщиков так же убийственна для русской экономики, как и ставка на политработников-номенклатурщиков, по сути, на тех же менеджеров, но по-другому названных.

3

Теперь несколько слов о первом экономическом спаде, который начался при Хрущёве в 1954 году и продолжался ровно десять лет.

В середине 50-х годов МПЭ был тихо и незаметно отменён. Премии при завершении проектов сохранились и даже увеличились, но потеряли всякую стимулирующую роль. Теперь величина премии зависела от должностного оклада и от субъективного мнения руководства, а не от качества изделия и его экономических параметров. Из технического задания исчезли требования по себестоимости продукции и стоимости разработки. Объём премии был фиксирован на уровне 2% от стоимости разработки. В результате стало выгодно не снижать, а, наоборот, повышать как стоимость разработки, так и себестоимость проектируемого изделия. На заводах из плановых заданий исчезло ранее обязательное требование к снижению себестоимости продукции, что сразу привело к прекращению любых работ по совершенствованию технологических процессов. В это же время устанавливаются верхние ограничения на величину сдельной оплаты труда, на размер вознаграждения за рационализаторские предложения и изобретения. Изменился и моральный климат в коллективах. Теперь зарплата однозначно определялась окладом и не зависела от качества работы как коллективной, так и индивидуальной. Возросла роль субъективных факторов при должностных повышениях, что приводило к зависти и склокам. Иными словами, человек человеку стал чужим, а иногда и врагом.

В 1959 году у крестьян отобрали скотину и огороды, у кооперативов – собственность, у директоров – самостоятельность. Резко уменьшилась (относительно предыдущих лет) зарплата и социальный статус учёных. Начался полный демонтаж сталинской корпорации и формирование “коммунистической” олигархии, которая стала практически неподсудной и неподследственной.

Повсеместно осуществлялась политика уравнивания зарплат квалифицированного и неквалифицированного рабочего. Труд инженера, невзирая на квалификацию и отдачу, неуклонно обесценивался и, в конце концов, стал оплачиваться ниже труда рабочего. Всё это творилось под аккомпанемент мантр о диктатуре пролетариата и его передовой роли в обществе. На самом деле, понятно, никакой реальной диктатуры пролетариата не было и в помине. Укреплялись позиции номенклатурщиков, жирного слоя хрущёвских чиновников, которые, в отличие от сталинских, не желали делиться властью с умными и умеющими. И это удалось.

4

Второй экономический спад – 1977–1987 – резким не был, но был неуклонным и неотвратимым. Продолжался он десятилетие, как и первый спад. Закончился, как мы все знаем, развалом Советского Союза. А начался тогда, когда Брежнев приказал производственникам отдать руль в вопросах экономики, техники и науки в руки партийных функционеров.

Имеется в виду начало резкого и неотвратимого спада, а вообще он имел место во всё время правления Брежнева, хоть основная масса нашего населения, жившего тогда, желает вернуться в то время и склонна считать, что оно было не только высшим уровнем развития советского государства, но и устроено было справедливее сегодняшней России.

Для стиля правления Брежнева был характерен консерватизм. Он не обладал ни политической волей, ни видением перспектив развития страны. Тогда в высшей власти страны был единственный человек – председатель правительства А. Н. Косыгин, – обладавший стратегическим мышлением. В 1965 году он попытался провести экономическую реформу, но она забуксовала и была сведена на нет из-за нежелания Брежнева параллельно проводить

политические преобразования и даже ставить под сомнение отработанный номенклатурой механизм партийного руководства экономикой страны.

А в экономике начали проявляться тенденции стагнации, которые в 1970-х годах компенсировались благоприятной для СССР внешнеэкономической конъюнктурой. Львиную долю ресурсов поглощал военно-промышленный комплекс (ВПК) – область особой заботы Брежнева. При нём ВПК достиг своего апогея, что приносило ущерб развитию экономики в целом и усугубляло кризис. Темпы роста промышленности и сельского хозяйства резко снизились, научно-технический прогресс замедлился. Советский Союз отставал в своём развитии от ведущих мировых держав.

Пишу это с горечью. Инновации и технический прогресс – это то, чем я занимался всю свою активную жизнь вопреки политике власти. Техническому прогрессу страны посвятила жизнь и мой отец. Политика власти по отношению ко мне и отцу нарисована на наших спинах и задниках, поскольку за свою деятельность я, например, получал только “пинки и удары плетью”, а отец получил то же исключительно во времена хрущёвско-брежневские. Так власть относилась как раз к инженерам успешным, всегда видя в них своих потенциальных конкурентов, в какой-то степени опускающих их в глазах населения только своим существованием, профессионализмом, и при случае пинала и унижала. Их лозунг – “незаменимых нет” – как раз и был направлен против таких инженеров.

И я на своём опыте прочувствовал изменение отношения власти к инженерам, специалистам. До 1978 года в организациях главные инженеры, главные конструкторы, главные технологи могли быть беспартийными, главным был профессионализм. С 1978-го по 1981 год в СССР с подачи Брежнева проходила кампания по замене всех профессионалов, занимающих соответствующие должности, на чиновников с партбилетами в карманах.

После 1981 года из-за резкого падения профессионализма экономика была не в состоянии воспринимать инновации. Кого я только не вписывал в соавторы изобретений! Натурные действующие образцы демонстрировал на выставках... Экономика, несмотря на очевидные преимущества от внедрения изобретений, не принимала ничего. Результат известен – страна продержалась всего 10 лет.

Интересно, что анализ подъёмов экономики приводит к очевидному: у лиц, обеспечивавших подъём, была сильная мотивация. При спадах, наоборот, властью и законами полностью был исключён интерес работать на прогресс. И ещё очень важное обстоятельство, которое мы в России исторически никак корректно выполнить не можем. Это определение и всесторонняя поддержка тех лиц, которые обеспечивают экономический подъём. В период, когда упор делался на идеологию, и она была главной при решении экономических и технических проблем, всегда наблюдался спад. Период мощного подъёма за весь советский период был всего один – с 1936-го по 1953 годы. Ставка в эти годы делалась как раз на профессионалов, специалистов. Идеология в науке и технике временно отошла на второй план.

Хорошие специалисты как раз и обеспечивают качество и уровень экономики государства. Везде они дорого стоят. Подъёмы экономики в России были только тогда, когда специалист стоил значительно дороже чиновника. В 1976–1977 годах я работал в Польше. В гостинице в номере рядом с моим жил западный немец, тоже инженер, причём моего возраста. Я помню шок, который испытал, узнав, что ему платят в десять раз больше, чем мне. Думаю, почему такая пропасть в уровне экономики немецкой и российской.

При Брежневе десятилетие абсолютной власти партийных функционеров в науке и технике привело страну к экономической несостоятельности. К сожалению, сегодня ситуация в экономике в некоторой степени напоминает брежневский застой. В технически сложных отраслях у власти на всех уровнях мы можем наблюдать так называемых менеджеров, мало что понимающих в деле, которым они управляют. Ставка опять сделана на лиц ложных, которые никак не могут обеспечить инновационный и экономический подъём. Поэтому-то и разговоры власти на эту тему напоминают пустопорожний треп. Разве не так? Анатолий Сердюков, например, сейчас индустриальный директор по авиационному кластеру госкорпорации “Ростех”, курирует развитие всей авиационной промышленности страны. После долгой карьеры в мебельном

бизнесе он вдруг сменил своего тестя Зубкова в кресле руководителя Налоговой инспекции Санкт-Петербурга. Потом вдруг возглагол об оборонное ведомство страны. Теперь вдруг оказалось, что в самолётах он разбирается лучше, чем в продаже табуреток. Очевидно, что он непотопляем и занимает высокие должности, поскольку является представителем номенклатуры. Делается это куда циничнее и бесцеремоннее, чем было при Брежневе. Похоже, что элита в нашей стране живёт удержанием сложившегося положения вещей. Она провалилась к власти, деньгам, ресурсам и не заинтересована в переменах. У нас низкая социальная мобильность, нет сменяемости власти, то есть отсутствуют какие-то стимулы, чтобы элите меняться. Какой же тут может быть прогресс, когда целых двадцать лет мы наблюдаем бесконечное “перетасовывание колоды” одних и тех же лиц, стоящих у власти. Многие из них, кстати, активно участвовали в развале созидательного сектора экономики страны и безжалостно выкидывали на помойку специалистов и даже целые технические школы. Загублены такие отрасли, как гражданское авиастроение, станкостроение, кра-ностроение.

Непонятно, зачем я корячусь и пишу это, понимая, что всё уйдёт, как в песок вода... Ведь уже в 1970-е годы Россия развернулась совсем не в ту сторону, и самыми богатыми и уважаемыми в ней стали не учёные и конструкторы, как было ранее, а работники торговли и номенклатура. Лидерство учёных и конструкторов обеспечивало экономический подъём государства и, в какой-то степени, нравственное здоровье населения. Лидерство номенклатуры и торговли работает на деградацию государства, что мы воочию и наблюдаем. Однако пишу, удержаться не могу: за державу обидно! А ещё поддерживает уверенность в том, что мысль материальна. Для того чтобы понять, куда придёт страна с такими управленцами и такой экономической политикой, достаточно вспомнить конец советского периода нашей истории и бандитские 1990-е годы.

В настоящее время власть в России представлена бюрократическим аппаратом, жёстко сращенным с олигархическими структурами. В этой связи наблюдается неуклонный рост численности чиновников, и, думаю, что принципиальная перестройка экономики маловероятна. Сегодня людей, что-то производящих, не более 15% от общей численности работающего населения, и их количество только уменьшается.